

Олег Аркадьевич Александров

Ван Гог Творчество - это проповедь

12+

Олег Александров

**Ван Гог: творчество
– это проповедь**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Александров О. А.

Ван Гог: творчество – это проповедь / О. А. Александров —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

Рассказ посвящен жизни и творчеству нидерландского художника-постимпрессиониста Винсента Ван Гога. Художник прошел путь от продавца книг в Лондоне и проповедника в бедном шахтерском городке до Мастера живописи, создавшего новое направление в постимпрессионизме. Одинокий и непонятый, Ван Гог рано умер, так и не получив признания публики и искусствоведов при жизни. Краткое путешествие в удивительный мир великого художника адресовано всем, равнодушным к живописи.

© Александров О. А., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

– Опять Винсент убежал! Где его носит? – статная женщина, нахмурилась, выглянула из входной двери дома пастора. На улице немногочисленные прохожие шли по своим делам, старательно обходя весенние лужи. Весна выдалась ранней, но дожди не давали земле, как следует просохнуть.

Поддерживая одной рукой длинную юбку, Анна Корнелия направилась в сторону холмов. Спустя пятнадцать минут она разглядела силуэт мальчика, сидящего к ней спиной, и держащего картонку, на которой лежал лист бумаги и карандаш. Неподалеку виднелся пастух на лошади, расположившийся рядом со стадом коров.

Мальчик сосредоточенно рисовал, изредка бросая взгляд в сторону пастуха. Услышав шаги, он живо обернулся, увидев подходящую маму. Взгляд голубых глаз отразил смущение и непокорство.

– Винсент, ты прекрасно знаешь, что у тебя завтра контрольная работа по латыни! Твое равнодушие к учебе волнует отца, и мне с трудом удается уговаривать его не дать тебе ремня. Хотя бы из уважения к матери мог лучше учиться...

В отличие от тебя, Тео уже подготовился к ней, я проверяла» – Анна ненадолго замолчала, всматриваясь в угрюмое лицо сына. «Почему он так равнодушен к учебе и многим вещам в жизни? Молчит часами да рисует все, что на глаза попадет... Не болен ли он?» – все эти мысли часто посещали женщину, которой судьба стать женой пастора, воспитывающей шестерых детей... настолько разных... как будто от разных отцов. Особенно Винсент... Старший сын – единственный молчун в семье. Братья и сестры веселятся, играют в мяч, придумывают истории про пиратов. Но Винсента это не интересует. Угрюмый взгляд, мимические морщины, часто появлявшиеся на лице подростка, отсутствующий вид. Таким видят мальчика окружающие, с сожалением глядя на него: странный ребенок... что-то его ждет в будущем?

Пауза затянулась. Наконец Винсент нехотя промолвил, сверкнув глазами:

– Я рисовал лошадь! Знаешь, как трудно ее рисовать... она часто двигается, меняет положения...

Мальчик хотел еще что-то добавить, но замолчал, заметив грустное выражение лица мамы. Порывисто вскочив, он кинулся к ней, прижавшись лицом к руке.

– Мама, я правда странный, как шепчутся за спиной соседи? Я не знаю, что со мной... Меня тянет сюда... от шума людей мне тоскливо. А здесь... я рисую. Рука как будто живет своей жизнью, не подчиняясь мне, она хочет рисовать... и я не хочу противиться этому.

– Сынок, не кори себя... твоей вины в этом нет. Просто постарайся лучше учиться, играть с братьями и сестрами... не избегай людей – ласково взъерошила вихры сына Анна.

А ему, напряженно думающему о будущем, слышатся слова: будь как все! Но у него своя дорога... и он найдет ее!

– Собирайся, и пойдем. Ты знаешь, отец не очень-то одобряет твоё рисование. Наши предки были проповедниками и торговцами произведений искусства. Если у тебя нет тяги к слову Божьему, тогда постарайся стать хорошим продавцом картин и книг. А рисование... не бросай. Может, этот путь поможет обрести тебе счастье – говорила Анна, идя с сыном домой.

– Рисовал? – спросил Тео, увидев Винсента на террасе.

– Да... не успел закончить... мама пришла.

– Сдались тебе эти скучные виды... лошади, коровы, крестьяне... Что в них интересного? Но Винсент не был расположен спорить и объяснять.

Однажды, сидя на террасе дома, долго молчавший Винсент тихо сказал:

– Картины художников прошлого, которые показал нам отец... не могу вспомнить их странные имена... в них есть жизнь, но что-то не хватает в ней. Какая-то искусственность... надуманность...

Тихий голос, прозвучавший в вечерней тишине, поразил Тео внутренней силой и мрачностью сомнений.

– Как ты можешь оценивать творения Рафаэля, Да Винчи, Джотто, не разбираясь в живописи, не...ничего не зная?!

На минуту отвернувшись от брата, он услышал шорох, и, обернувшись, увидел мелькнувшего за углом Винсента. «Ну вот, обиделся. А что я сказал такого?».

Через два часа Винсент молча подошел к брату, обнял его:

– Может, ты и прав. Братишка, ты мой друг. Единственный в этом доме...

Словно застыдившись своих слов, он быстро ушел на второй этаж.

Утром следующего дня, собирая портфель в школу, одна и та же мысль билась в мозге «странного ребенка Ван Гогов»: скука и глупость ждут меня в классах...Задумавшись, Винсент не заметил озвучивания своей мысли и вопроса Тео:

– Почему скука? География и история – интересные предметы.

– Да, история и литература мне нравятся, остальное – нет!

Даже спустя годы он не объяснит друзьям и поклонникам таланта мнение о школьной учебе. Лишь в мастерской Кормона обронит: они не понимают живопись, поэтому ничему не могут научить.

Минуло пять лет. Винсенту семнадцать лет, и будущность замкнутого юноши очень тревожит родителей.

– Учился он плохо, склонностей не проявлял... – раздраженно говорит пастор Теодор своей жене.

– А живопись? Учитель рисования отмечал задатки художника у Винсента – робко возражает Анна. Муж в задумчивости, морща лоб, рассказывает по гостинной.

Встав у окна, проповедник видит сына с ящиком и холстом, уходящего в направлении холма. Как обычно, Винсента сопровождает Тео.

– Ладно...Отправим его в Лондон, будет помогать продавать картины. Глядишь, со временем станет хорошим торговцем – принимает решение Теодор. «А может, успешным художником» – шепчет про себя Анна Корнелия.

Решение родителей Винсент выслушал с видимым равнодушием, но в душе бушевала радость. «Наконец уеду из этой глухой, унылой местности в большой город. Продажа предметов искусства...Картины! Я буду постигать тайны живописи, изучать философию искусства, историю, религию. Впрочем, может, действительно мой удел – торговать, и отец прав?». Юношу распирают чувства и эмоции, в которых он не может разобраться. Ясно одно – начинается новая жизнь, и вера в лучшее окрыляет Винсента.

Лондон. Большой, шумный, мрачный из-за туманов и ужасающей нищеты, с которой сталкивается иностранец, проезжаю кварталы бедняков. Город Диккенса, Уайльда и Тернера. В описываемый период в Англии идет бурное развитие угольной и сталелитейной промышленности, станкостроения; тысячи людей работают на угольных шахтах и фабриках, получая гроши, в тяжелых условиях. Их терзают болезни, нищета, голод. Это время формирования капитализма, выработки этических правил, поиска компромиссов между предпринимателями и обществом. Жадность и отчужденность промышленников порождают ненависть рабочих и социалистические идеи в их среде. Идеи Маркса и утопистов прошлого гармонируют с религиозными представлениями о равенстве и справедливости, толкая обездоленных рабочих и крестьян на борьбу с капиталистами. Общество разделено на новаторов – предпринимателей, и консерваторов – рабочих, крестьян, маргинальных групп.

Как примирить враждующие стороны, найти баланс интересов? Такую мысль обдумывает Винсент, приехав в столицу Англии. Сняв комнату в пригороде, введенный директором антикварного магазина в курс дела, он начинает прилежно трудиться.

Работы немало: надо вести учет купленных и проданных предметов искусства, учиться понимать направления живописи, оценивать полотна и эскизы. И все же скромному провинциалу Ван Гогу неуютно и одиноко. Работа не удовлетворяет духовные искания юноши. Единственное утешение – книги, поглощаемые с жадностью путника, обезвоженного долгим путем в пустыне. Религиозные, исторические книги, романы, трактаты по искусству – все это пылкий ум Винсента пытается понять и упорядочить. Протестантское воспитание дают о себе знать: голландец посещает церковь, ежедневно молится, читает Библию и Евангелие. Идея стать художником или торговцем картин вытесняется мыслями о необходимости несения слова Божьего нуждающимся. Эти мысли приводят Ван Гога в дом пастора церкви, находящейся неподалеку от места проживания молодого продавца картин. В один из дней между пастором и Винсентом состоялся разговор.

– В моем роду были торговцы произведениями искусства и проповедники. Искусство привлекает меня, но оно не может излечить души людей, помочь справиться с унынием, завистью, тщеславием... Я хочу стать проповедником – убеждает голландец священника. Тот, после долгих колебаний, соглашается предоставить Винсенту место учителя в пансионате для детей-сирот. Учить детей придется по выходным, в свободное от основных обязанностей время.

Ханжеская мораль пастора, жесткие рамки программы обучения детей скоро вступят в противоречие с пониманием Винсентом заповедей как посланий, свободных от формальностей обрядов и церковной службы. Молодой проповедник учит слову Божьему так, как учил ему Христос и апостолы.

Жизненные реалии отсутствие социальных лифтов и слабая социальная ответственность буржуазии, с ее формирующейся этикой, не стыкуются с католическим учением. Немного общих точек (усердие в работе, честное предпринимательство и пр.) и у протестантизма, в котором вырос Винсент. Он пишет отчаянные и грустные письма родителям и брату, взывая к их милосердию и состраданию. Встревоженные эмоциональностью и сумасбродством сына, родители соглашаются на смену профессии: отныне их сын будет учиться на проповедника в соседних Нидерландах. В планах – изучение богословия на курсах в Амстердаме, сдача экзамена и служба в Бельгии. И все же, где-то в глубине души, живут сомнения: правильно ли он сделал, оставив живопись? Ведь занятия ею дарили свободу и радость, забывая обо всем... А священник, проповедник? Человек, обладающий сильной верой, глубокими знаниями, волей духа. Это дар Божий, дающийся мало кому. И не самонадеянно ли решить, что он, слабый верой, может нести слово Божье?

Винсент старается отогнать подобные мысли, упорно зубря латынь, штудирова Библию и религиозную литературу. Понадобится немного времени, чтобы понять: плохая память и отвращение к формализму, понимание несоответствия канонов и повседневной жизни церкви, пораженной гордыней, тщеславием, сребролюбием и лицемерием, не позволят стать пастором и проповедником. Письмо к Тео дышит отчаянием и сомнениями в правильности выбранной профессии.

«...Пойми, даже при отличных знаниях Закона Божьего тебе не разрешать проповедовать без официального документа. Твоя неопытность, вспыльчивость, непримиримость... плохие помощники в служении Богу и обществу – читает Винсент письмо брата. Спустя неделю он пишет: «Разве Христу нужны были курсы и документы, или разрешение властей?! Нет, на нем лежала Божья благодать... основанная на знании догм новой веры. Я чувствую в себе силы, способности проповедника, внушать народу мысли о спасении и совершенствовании.

Погрузиться во мрак отчаяния, ужасы нищеты рабочих и крестьян – вот моя цель, мое предназначение. Недалеко от меня, в Бельгии, есть шахтерский поселок в Боринаже. Туда лежит мой путь. Но не думай, дорогой брат, что занятия живописью заброшены. Искусство – дар Божий, и с его помощью тоже можно привести к вере. Пока только пробую силы. Рисую карандашом и углем сцены из жизни рабочих семей. Только черно-белый цвет. Ибо такова их беспросветная, мрачная, унылая жизнь. Итак, вперед, к нуждающимся людям!».

Спустя неделю двадцатипятилетний Винсент приехал в Боринаж. Вокруг все серое, грязное, словно сам воздух, деревья, люди пропитались угольной пылью. Страдания от телесных и душевных болезней, разочарование, слабая надежда написаны на лицах угрюмых, ходящих как тени шахтеров. Лица преждевременно постаревших женщин, тощих и часто голодных детей, даже играющих с грустью то и дело встречались Винсенту в деревне, приютившей его. «Я облегчу им страдания, вера утишит боль и даст надежду, избавит от сомнений в существовании Бога. Надо отдавать всего себя, без остатка, не жалея сил». Первую проповедь, прочитанную в маленькой церквушке, голландец посвятил необходимости веры и ее чудесам.

Слух о молодом проповеднике быстро распространился, и многие приходят послушать чудаковатого на вид пастора. Проповеди Винсента всегда социальные: вина общества в предоставлении слишком больших прав буржуазии и власти, притесняющих народ, обогащающихся за его счет. Нет, проповедник не говорит о модном социализме и марксизме. Обращение к совести и милосердию, справедливости и доброте – лейтмотив страстных проповедей Ван Гога.

Внешний аскетичный вид, экзальтированность, горячность, стремление поделиться последним куском рожают разное отношение к проповеднику.

Кто-то крутит пальцем у виска, другие видят в Ван Гоге Мессию, нового апостола, сподвижника веры. Местный епископ делает внушение Винсенту: всему есть меры, не нужно проявлять излишнее рвение в вопросах веры. Кроме того, церковное начальство волнуется осуждение дирекции шахт, по вине которой рабочие живут в плохих жилищных и материальных условиях, почти без медицинского обслуживания.

Встречая Ван Гога на улице, проезжающие собственники и управляющие шахтами язвительно замечают: еще один апостол нищеты, защитник безумных идей Маркса и Энгельса! Мечтает о всеобщей справедливости и рае на земле!

Погруженный в религию и мысли о помощи беднякам, он не слышит хлестких слов. «Увы, мои слова остаются лишь благими пожеланиями, дарящими кратковременное утешение. У людей нет влияния на владельцев предприятий и власть, которые слепы к мольбам народа. Да и я в глазах рабочих выгляжу чудаком, вроде Дон Кихота» – тягостные мысли роились в голове Винсента.

Пытаясь избавиться от чувства ненужности, слабости веры, голландец яростно пишет полотно за полотном. Выполненные карандашом или углем, зарисовки рабочих, крестьян, быта сквозят страданием, отчаянием, бессмысленностью жизни и рутиной работы.

Мрачность и реализм сцен, психологизм персонажей, философский оттенок сюжетов присвоят художнику, много десятилетий спустя, звание «второй Рембрандт». Почетно, но правдиво ли? Скромность не позволяла Ван Гогу сравнивать себя с великими художниками прошлых эпох.

Еще не зная этого сравнения, мне тоже пришел на ум Рембрандт, когда я увидел ранние работы Винсента, особенно «Едоков картофеля». Два сына Нидерландов едины во внимании к основным философским проблемам, экспрессии, беспощадно обнажающей проблемы общества, религиозности сюжетов.

Это единство парадоксальным образом разводит их творчество, показывая акцент Ван Гога на страданиях и грузе бытия простого человека. Рембрандт брал библейские сюжеты,

обусловленные религиозностью той эпохи (пусть и сходящей на нет), предпочитая обобщенные подходы к жизненным перипетиям. В этом единстве противоположностей – гениальность обоих художников. А еще – в обостренном отношении к страданиям...

Страдания людей, разрывающихся между долгом и желанием вкушать радости жизни. Как это знакомо Винсенту, писавшему из городка Хогевен: я знаю двух людей, в которых идет душевная борьба между «Я-художник» и «Я – не художник». Это Раппард и я сам... Когда в тебе что-то говорит: «Ты не художник», *тотчас же начинай писать* (курсив Ван Гога. – О.А.), мой мальчик – только таким путем ты принудишь к молчанию этот внутренний голос. Тот же, кто, услышав его, бежит к друзьям и жалуется на свое несчастье, теряет часть своего мужества, часть того лучшего, что в нем есть. Другьями твоими должны быть лишь те, кто сами ведут такую борьбу и своим примером пробуждают в тебе жажду деятельности...».

Да, Ван Гог терпелив и упорен, как вол. В Ньюэне, Хогевене, Боринаже голландец не перестает трудиться, одержимо рисуя и рисуя. Художник борется с проповедником – кто победит? И на самом деле ли они борются, а не сплетаются в нечто целое?

Ван Гог будет искать ответ на этот вопрос всю жизнь.

А пока ему предсказано судьбой, помогать словом и делом бедным семьям, личным примером показывая глупость материального мира, временность денег, славы, успеха. Не щадя здоровья, подвижник отдает свободное время детям и взрослым, уча их грамоте и счету, устраивая мини проповеди для семей.

Беседуя с главой одной шахтерской семьи, Ван Гог с горечью и тоской констатирует:

– Жан, истинная вера этим епископам и католическим союзам не нужна. Это фарисеи, пустые окрашенные гробы, как говорил Христос. Вместо борьбы за право человека получать хорошую плату за труд, жить в хорошем жилье, Церковь защищает мерзких промышленников, купцов, бесчестных чиновников! Я никогда не смирюсь с этой несправедливостью! Делиться последней рубашкой – эти слова Христа должны быть выжжены в каждом сердце.

Неожиданный удар по религиозным чувствам Винсент получает из родного дома. Тео сообщил родителям о конфликте Винсента с церковным начальством. Отец Винсента мрачным голосом известил жену о бесталанности сына, к двадцати пяти годам ничего не добившимся.

– Тео уже назначен управляющим картинной галереей в Париже. Пусть и немного зарабатывает, но стабильно... Опять же, вес в обществе – далеко не пустой звук, Анна, далеко не пустой! Толку в том, что мой сын малюет картины, изображая этих нищих! – говорит ее муж. Украдкой вытирая слезы, Анна думает: Неужели суждено моему сыну скитаться и вечно искать себя? Талант к живописи у него определенно есть. Значит, его судьба – стать художником, зависящим от вдохновения и капризов переменчивой толпы.

Услышав ее слова, Винсент поспорил бы с ней: настоящий художник не зависит от толпы... Его цель – правдивое изображение жизни, эмоций, чувств, страданий, радостей... Жизни и Смерти. А частные заказы... Писать картины ради денег – ни за что! Получать деньги за то, что я пишу – вот что хочет Мастер.

В Ньюэне голландец создает лучшую, по его убеждению, работу – Едоки картофеля. Глядя на это полотно, хочется воскликнуть: Рембрандт, Веласкес, Гойя! Но первое впечатление обманчиво... Стиль Ван Гога, который только вырабатывается, уникален.

Простой сюжет картины – бедняки, поедающие картофель – поражает экспрессией, глубиной, даже бездной Страдания, Милосердия, Доброты. Девочка, сидящая спиной к зрителю, с «нимбом» света, окружавшем голову – религиозное отображение детства. Торжественность и покой семьи за трапезой порождает ассоциацию с Тайной вечерей. Фигуры людей статичны,

при этом чувствуешь их моральные страдания. Смирненное принятие нищеты и душевной боли кроется в тени лиц участников ужина.

В двадцать два года, столь наивный, юный, порой глупый, для большинства людей, возраст Винсент создает Натюрморт с Библией. Величие этой картины... скорее, окна в Религию и Искусство, в их противостоянии. Рядом с Библией лежит книга Эмиля Золя Радость жизни. Как-то Ван Гог упоминал в письмах к Тео, что ему нравится творчество Золя, его внимание к народу, попытки проникнуть в глубины отношения бедняков к жизни, работе, обществу. Читал ли художник Терезу Ракен и Жерминаль? Так или иначе, ему созвучна тема безнадежной грусти, мучительных поисков своего места, подобно героям Золя.

Религия или Искусство спасает от мучений нищеты, злобы и несправедливости мира? Если и спасает, то далеко не всех.

Подавленное состояние Ван Гога усугубляется из-за любви к Маргарите Бегеман. «Старая дева» из обеспеченной семьи влюбляется в странного чудака, «малюющего ерунду». Вызов консервативному буржуазному обществу, его ханжеской морали. Мораль с примесью расчета. Мучения и суицид Маргариты терзают художника: «надо ли порвать с ней, или разделить судьбу?» Он пишет Тео: мой мальчик, на этот вопрос никто не даст мне ответ... я не приму совета ни от кого, кроме врача. Что заставило Винсента расстаться с Марго? Осознание мысли, что он не сделает любимую женщину счастливой, а лишь усугубит боль пребывания вне привычного мещанского социума.

– Жаль... когда-то прекрасная женщина, в руках семьи и общества, была испорчена их дурацкими принципами и ограничениями... Все равно что дилетант стал ремонтировать уникальный орган. И все же не удалось ему сильно испортить шедевр неизвестного мастера... – вздохнул Винсент.

– До нашей встречи я никого не любила... Вся жизнь в работе, общении с родными, смотрящими на меня как на безродную дворняжку... А тебя я любила! Ты дал мне веру в себя, тепло, заботу... И все это ушло! Что впереди? Беспросветная тьма и холод... – всхлипывала Маргарита, держа руку любимого. Он гладил ее по растрепанным волосам, пытаясь найти слова утешения... и не находя их. Черная птица отчаяния билась в груди, задевая чувство Винсента к такой же одинокой и страдающей душе, как и он.

– Маргарита, наше расставание необходимо... ты уедешь в Утрехт, я – в Гаагу. Жажда познания жизни и Искусства гонит меня с места на место, как Вечного жида. Мне нужно учиться живописи и доброте, наконец, выбрать свой путь – страстно шептал Винсент.

С болью от расставания с любимой и надеждой он уехал в Антверпен. Мрачный, шумный, портовый город ненадолго увлек голландца. Упорные занятия в Академии художеств и чтение новых книг французской и английской литературы немного ослабляют подавленность художника. В мастерской антверпенского художника, где Ван Гог берет уроки, раздается его громкий голос, с восторгом описывающий силу японского искусства.

– Вглядитесь в эти гравюры... цвет, светотени, композиция... разве это не гениально? – Винсент дергает за рукав молоденького лейденского парнишку.

– Этот странный голландец слишком экзальтирован и неуравновешен – неодобрительно морщит лоб хозяин мастерской, наблюдая за столпившимися у Ван Гога своими учениками.

Тот объясняет слушателям:

– Японская живопись существенно отличается от европейской. Взгляните на эту гравюру «Крестьянин, бредущий на поле». Каждый осколок, часть отражает целое. Жизнь японца не сконцентрирована в чем-то едином... она включает множество субтрадиций. Главное – восхож-

дение к цели и дороги к ней... На этой гравюре, как и на всех остальных, центральный элемент – гора. Да, много предметов... но, в отличие от многозначности вещей на полотнах Брейгеля или Ван Эйка, здесь обилие предметов отражает целостность мировосприятия... Пауза. Но я не согласен с японцами и китайцами (у них схожая концепция) с тем, что главный предмет должен быть неодушевленным... И, еще более важное – отсутствие прямых линий на картинах. Природа извилиста, в ней много деформаций и неправильностей... Суть – в кривизне природы!

Страстную речь Ван Гога прервал мэтр Кормон, подошедший к художникам.

– Господа, не соблаговолите ли вернуться к Вашим наброскам ? Замечу, что здесь не лекционный зал! – кричит Кормон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.